

Первофантазмы и фантазмы. Их роль и значение в психоаналитическом процессе

Л. Н. Калинина

Калинина Лада Николаевна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, преподаватель Школы практического психоанализа Н. В. Майн, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации.

На примере клинических случаев автор предлагает описание феноменов первофантазмов и фантазмов в психоаналитическом процессе, показывает, как это отражается в динамике работы, соотносится со структурой и уровнем психического функционирования, а также патологией психоаналитического процесса. Особое внимание в психоаналитической работе уделяется тем бессознательным процессам, которые для эффективности и анализабельности могут быть использованы аналитиком с точки зрения универсальности первофантазмов и уникальности и вариативности фантазмов как содержаний матрицы. Обнаружение личного фантазма, его символизация позволяют при помощи инсайтов и проработки повысить уровень психического функционирования и привести к трансформации анализанта.

Ключевые слова: первофантазм, фантазм, психическая структура, психическое функционирование, фантазматическая жизнь, патология психоаналитического процесса, первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно, каннибалистическая трапеза.

Пространство психического, наполненное первофантазмами и фантазмами, – эта огромная территория неизведанного, до конца не изученного, – представляет пристальный интерес для психоанализа. Прошедшая в 2021 году Третья клинико-теоретическая конференция МПА не случайно была посвящена именно этой необъятной теме и носила название «Первофантазмы и бессознательные фантазии». Вдохновленная затронутыми глубинами, я захотела еще раз обратить внимание на очень важные акценты фантазматической жизни, с которыми мы сталкиваемся в психоаналитическом процессе.

Если вы о чем-то не знаете, это не значит, что этого не существует. Даже людям, далеким от психоанализа, приходилось сталкиваться с таким феноменом: «Если нам что-то кажется, то это не кажется». Или когда что-то невзначай указывало на повторяющиеся и похожие страдания у совершенно разных людей. Множество рассуждений на тему «карма», «судьба», «злой рок», «сказочное везение» поражают воображение. Многих людей, ищущих смысл собственного бытия, захватывали разнообразные концепции и идеи: «трансерфинг реальности», «магическая точка сборки Карлоса Кастанеды», «Кора в Тибете», «медитация в йоге», «Путь воина», «эволюция человеческого сознания».

Психоанализ стал той сферой, в которой удалось обнаружить научные подтверждения тем интуитивным догадкам, которые настойчиво требовали ответа. Для того чтобы связать смутные ощущения и необъяснимые тревоги и страхи, человеку нужно заглянуть в «колодец бессознательного» или посетить «пещеру мудрости» – кабинет психоаналитика. Обнаружить, что все это уже происходило когда-то и с кем-то. Что это? Божий замысел? Родовой сценарий? Предначертанность? Множество вопросов, связанных с нашим личным происхождением, семейными паттернами, характером, архетипами, разрывают пытливые умы и держат в экзистенциальном стрессе психику.

Понятие «первофантазм» не является научным термином в строгом смысле, однако парадоксальным образом представляет собой феномен, без которого невозможно заниматься «препарированием» бессознательного. То есть получается, что использование первофантазмов и фантазмов как индивидуальных наполнителей – содержаний – представляет собой суть психоаналитической работы. По тому, как происходят изменения содержания фантазмов, заполняющих матрицы универсальных первофантазмов, можно делать выводы о динамике аналитической работы и трансформации пациентов.

Когда очередной клиент задает центральный вопрос: «Это что, со мной что-то не так?» – мы тут же понимаем, что нам предстоит пройти долгий путь к себе. И на этом самом пути клиент встретится со всевозможными вариантами своего прошлого, признается в страшных тайнах, стыдных мыслях и скрытых тревогах. В какой-то момент обнаружится, что в определенной точке существует нечто знакомое, повторяющееся у многих. Это нечто – **первофантазм**, разыгранный во внутренней реальности клиента.

Первофантазм/профантазм – это архаичный фантазм глубоких слоев психики. «Фантазм, немецкое слово: Phantasie. Это термин, означающий воображение, но не столько "способность воображения" (Einbildungskraft философов), сколько воображаемый мир и его содержания, "воображение" или "фантазмы", за которые так охотно прячутся невротики и поэты. В рассказанных субъектом или самим психоаналитиком сценах присутствует оттенок фантазмагии, который ни с чем не спутаешь», – сообщают нам Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в своей работе «Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма» (Лапланш, Понталис, 1985).

Следуя рассуждениям вышеуказанных авторов, обратим внимание на то, что суть психоанализа – это работа с бессознательным клиента, поэтому для нас важно, что происходит во внутреннем мире субъекта и какие силы толкают его на поступки, движимые его желаниями и влечениями к удовлетворению. Для клиента в этот момент «эквивалент реальности» не имеет смысла, напротив – реальность мысли идентична внешней реальности. И из того, что часто эта картина фантазма повторяется в различных вариациях, но сохраняя основные акценты, персонажи и сюжет, можно сделать вывод, что существует некий «природный фонд», который организовало человечество, чтобы сохранить непрерывность существования своего рода/вида.

Зигмунд Фрейд указывает: «Есть три разновидности явлений (или реальностей, в более широком смысле): реальность материальная, реальность связующих мыслей, или психологического, и реальность бессознательного желания и его "самого подлинного выражения" (фантазм)».

Для лучшего понимания феноменологии первофантазма нам необходимо опираться на особенности бессознательного и предсознательного в психике человека. Рассматривая этот вопрос в контексте филогенетического развития, мы вслед за Фрейдом признаем, что была когда-то в доисторические времена в жизни человечества универсальная, общая для всех реальность и это объясняет, почему первофантазмы встречаются у всех людей или почти у всех людей.

«Их существование Фрейд объясняет филогенетическим наследованием, буквально филогенетическим достоянием, имением, владением. И в 23-й лекции по введению в психоанализ он пишет, что вполне возможно, что все фантазии в некий первоначальный период существования человеческой семьи были реальностью. И фантазирующий ребенок просто восполнил доисторической правдой пробелы в индивидуальной правде» (А. И. Коротецкая, из доклада «Кастрация. От фантазма к комплексу»).

Там же А. И. Коротецкая отмечает, что первофантазм появляется в психической реальности потому, что «он уже где-то присутствовал, поскольку был унаследован. Однако механизм наследования этой исторической истины, если она передается филогенетически, остается неизвестным и по сей день».

«Первофантазмы структурируют, организуют жизнь влечений. Универсальный фантазм очень древний. Он заключается в том, что ребенок сам был создателем своих объектов и мира, в котором он живет». И этот фантазм творческого всемогущества, от которого мы отказываемся

постепенно в пользу первосцены и Эдипа под давлением фактов, оставляет в нас ностальгию, след. «Видло Шер говорит, что это остается в виде смутного ощущения, что наш мир – это то же самое, что наше Я» (Н. В. Майн, из доклада «Первофантазмы психической вселенной»).

Суть и смысл основных первофантазмов – это то, как в бессознательном структурируются все основы будущего субъекта, от самого первоначала, появления индивида (первосцена), проявления его сексуальности (соблазнение) и принятия разницы полов и поколений (кастрация). Именно в этих трех случаях, по указанию Ж. Лапланша, «имеет место совпадение сюжета, структуры и, несомненно, функции: в указании, которое представляет перцептивное поле, в создаваемом сценарии, меняющемся поиске начал, на сцену фантазма выходит нечто, дающее "первоначало" субъекту как таковому».

Лакан в своем рассуждении о том, что же такое бессознательный фантазм, приходит к выводу, что это нечто латентное, скрытое – «нечто такое, что, насколько мы можем на данный момент об организации структуры бессознательного судить, вполне допустимо мыслить как означающую цепочку. То, что в бессознательном имеются пребывающие нетронутыми означающие цепочки, которые оттуда, из бессознательного, структурируют организм, воздействуя на него» (Лакан, 2002).

Через призму первофантазмов мы можем рассматривать различные феномены психоаналитического процесса. Например, первофантазмы и патологию психоаналитического процесса. Попробуем обратить наше внимание на сложности в работе с пациентом. В частности, на то, что является тупиком в работе, негативной терапевтической реакцией и обрабатываемой перспективой.

Концепцию обрабатываемой перспективы предложил У. Бион. Бион же пишет, что мы приходим в мир с прекоцепциями, то есть с врожденной способностью понимать смысл сексуальной жизни. Прекоцепция родительского коитуса как исходной теории собственного существования, отраженная в первофантазме первосцены, – центральный конфликт, в котором интенсивность аффекта достигает наибольшей концентрации и требует разрядки. Следовательно, по мере приближения к первосцене как конечной инстанции в проработке основных конфликтов, выраженных в остальных первофантазмах (соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно и каннибалистическая трапеза), нарастающий уровень тревоги, связанный с тем, что именно в этой точке произойдет столкновение с собственным несуществованием, заставляет порой развернуться в противоположную сторону и бежать без оглядки, лишь бы избежать этого непереносимого чувства – чувства небытия и полного игнорирования любимыми объектами.

С точки зрения первофантазмов и их вариативности мы можем выявить отклонения от нормального психического функционирования. Так, например, особенностью первертного функционирования/мышления будет отрицание первосцены, ее стирание. Путем бесконечных символических перемещений, переворачиваний и обрезаний ассоциативных связей вместо этого сексуальное желание обставляется новыми персонажами,

новыми знаками и новыми целями. Аннулирование отца, который потерпел неудачу в осуществлении своей отцовской функции, и подмена его роли, на которую могут претендовать как Бог-отец, так и идеализированный фаллос, и преувеличенная роль всемогущей архаичной матери, с которой необходимо идентифицироваться, но при этом обезопасить себя от поглощения зубастой вагиной, – заставляют перверта вновь и вновь компульсивно проигрывать свою перверсивную сексуальность. То, чего не хватает во внутреннем мире, помещается во внешний объект и организуется во внешней ситуации, так как существует дефицит в Эго-структуре перверта из-за неудачи символизации. Эта неудача имеет отношение к значению первосцены и роли пениса отца.

Фантазматическая жизнь – это попытка связать возбуждение внутри психического аппарата в форме сценариев. Принято выделять пять основных первофантазмов, тогда как количество фантазмов, или вариаций первофантазмов, их содержаний, богато и разнообразно. Кроме того, они могут быть как универсальными, так и индивидуальными. Фантазм – иррациональное влечение, детерминированное архетипом, сценарий удовлетворения, в который архетип вписан как способ и средство.

От чего будет зависеть содержание фантазма на индивидуальном уровне? Конечно же, от структуры и функционирования психики. Как отмечает Ракамье, невроз делает фиксированные фантазмы, а психоз – убийственные. В зависимости от того психотический это уровень, пограничный или невротический, будет меняться содержание первофантазма. Так, например, главный первофантазм – первосцена, которая является объединяющим для всех остальных первофантазмов, будет выглядеть настолько разительно у психотиков и невротиков, что могут даже возникнуть сомнения, идет ли речь об одном и том же первофантазме или совсем о разных феноменах внутриспсихической жизни.

Для наглядности рассмотрим, как это может выглядеть. Для психотической структуры или психотической части личности (ПЧЛ) первосцена – сама по себе угроза, так как обнаруживает много злости, зависти и ненависти к родительским фигурам, которые предпочли друг друга, а не меня! За это я хочу их уничтожить или как минимум не допустить этого коитуса как апофеоза любви. Но тогда будет уничтожена сама возможность меня зачать; значит, я либо не появлюсь никогда, то есть уничтожаю себя, либо у меня есть запасной вариант. Запасной вариант – самопорождение. Как может проиграть первосцену психотическая личность? Я (ПЛ или ПЧЛ) обращаюсь/превращаюсь в фаллическую мать или втягиваю в «зубастую вагину», «черную дыру» отца, в которого я тоже превратился. Затем произрастаю, прогрызая изнутри, разрываю тело и появляюсь.

Необходимо отметить, что фантазмы как проявление бессознательно-го в форме сценария также могут проявляться по-разному, в зависимости от фиксации на определенной стадии психосексуального развития. Так, фантазмы садомазохистского характера мы отнесем к анальной стадии. Весьма ярким примером такого фантазма является «ребенка бьют». Как сообщает в своей статье «Этика и эстетика извращения» Жанин Шассге-Смиржель, фантазм «"ребенка бьют" явно тяготеет к садизму

первоначального фантазма. Тот, кто осуществляет порку, обычно представляет отцовский субститут. Однако, если фантазм принимает садистскую форму, получаемое удовольствие, по сути, носит мазохистический характер: дети, которых бьют, представляют собой субститут собственной личности. Вина, как и подавленный чувственный элемент, находит свое удовлетворение. За неопределенными участниками действия скрываются отец и дочь, слившиеся в любовном акте, замаскированном в тягостное наказание». Весьма любопытно, что именно через этот фантазм можно обнаружить разницу в прохождении Эдипа у девочек и мальчиков. Фрейд, который ожидал обнаружить абсолютную симметрию, заменив в этом фантазме для мальчиков отца на мать, понял, что это совсем не так. Если у женщин фантазм «я побита отцом» всегда бессознательный, то у мужчин фантазм «я побит матерью» может стать «я любим отцом». «Речь идет о фантазме полового типа, который в связи с регрессией на садистическо-анальную стадию превращается в фантазм порки отцом, а затем трансформируется в сознательный фантазм "я побит матерью"» (Chasseguet-Smirgel, 2006).

Не менее важным в психоаналитической работе становится вариант первосцены в фантазме, наполненном гомосексуальностью или бисексуальностью. Как отмечает Ж. М. Леви в своей работе «Тени и свет бисексуальности», Фрейд в поисках связи бисексуальности с теорией влечений обращается к мифу Аристофана, который черпает влечение из потребности восстановить предыдущее состояние. В мифе тела изначально были другими. Индивиды были неразделенные и трех полов: мужчины-мужчины, мужчины-женщины, женщины-женщины. Бог разделил их в наказание за высокомерие и волю к всемогуществу. Из этого разделения и возникло желание объединиться. Этот миф об изначальной бисексуальности дает представление о примитивной сцене: он изображает двух людей, объединенных, а затем разъединенных и желающих снова объединиться.

«Таким образом, посредством игры единения и разъединения миф Аристофана, как и фантазм о примитивной сцене, предлагает фигурацию (*фигурация – это процесс, с помощью которого мысли сновидения превращаются в визуальные образы. Фрейд использует немецкий термин *Darstellung* – зрительный образ, от глагола *darstellen*: изобразить; отобразить; выразить, не путать с *vorstellen*, представлять, и *Vorstellung*, представление. – Прим. пер.*) влечения в драматизации, которая продолжается через эдипов процесс, посредством его различных идентификаций и различного выбора объектов» (Леви, 2021).

В психоаналитической терапии с пациентами наглядно можно обнаружить, как проявляют себя первофантазмы, каким индивидуальным содержанием они наполнены и как происходит их трансформация в процессе, связанном с динамикой изменений, которые происходят благодаря символизации, связываниям и проработке. Теперь мне бы хотелось предложить на рассмотрение клинические случаи, в которых наглядно проявляется феномен первофантазмов и фантазмов, то, как это звучит в материале и раскрывается в динамике психоаналитического процесса.

Клинические случаи. Первофантазм «соблазнение». Фантазмы господина истерика

Мой клиент – популярный блогер, красиво и витиевато рассуждающий в инстаграме на всевозможные психологические темы. Внешний облик – как публика прописала, красавчик мачо с мускулами, накачанными при помощи стероидов, которые убили сперматозоиды и печень. Но он не сдается!

На одной из первых встреч Эдуард пытается описать свои ожидания от близких отношений, которые на данный момент оставляют желать лучшего: «И в отношениях у меня есть такой собирательный образ, какая должна быть женщина. И сам, когда думаю, на кого бы я хотел быть похожим, конкретно какого-то кумира нет, а есть тоже некий собирательный образ, у кого-то нравится тело, внешний облик, у кого-то стиль поведения, уверенность».

На момент обращения клиент находился в отношениях с женщиной старше него на семь лет, как он сам отметил, его привлекают женщины старше, и сам он связывает это с тем, что переживал в сиблинговых отношениях со старшей сестрой, окрашенных инцестуозностью и завистью. На первой встрече Эдуард сказал, что ему удобнее выходить на сессию из машины, потому что «дома жена и ребенок». Впоследствии выяснилось, что это совсем не жена, а ребенок – вовсе не его ребенок, а дочь его партнерши от второго брака, девочка-подросток 15 лет. Замечу, что Эдуарду на тот момент было 27 и неизбежное сексуальное возбуждение по отношению к этой девочке также были предметом жалоб.

О сексуальном опыте. Первая сильная влюбленность в 12 лет. Эпизод «Первая скрипка». Она так же, как и все последующие женщины, была старше его лет на семь-восемь. В описании того, каковы были эти отношения, в словах клиента звучит много восхищения и преклонения. Она была талантлива, эрудированна и поражала его воображение тем богатым внутренним миром, который демонстрировала ему, соблазняя не только телом. В сексуальных отношениях ей хотелось от него большего, но ее свободные и раскрепощенные идеи, касающиеся самого акта и разыгрывания, были для него чересчур. Это, конечно же, не имеет никакого отношения к пуританству или страху не оправдать ожидания, речь совсем о другом. Он не мог *так* поступить с *ней*. На вопрос терапевта: «Вы боялись ее повредить?» – отвечает утвердительно.

Итак, мы находимся в страхе повредить/испортить ценный и любимый объект. После чего ассоциативно появляются воспоминания о двух эпизодах. Один из них произошел, когда ему было лет восемь. Его сестра взяла его с собой на природу, куда они направлялись со своим парнем. Они гуляли по лесу, набрали на опушку. Его оставили на опушке и сказали ждать, а сами удалились. Он послушно ожидал их на опушке, но время тянулось бесконечно, и ему стало тревожно, вдруг они заблудились или забыли про него. Тогда он долго звал, а потом отправился на поиски. Он наткнулся на сцену коитуса между сестрой и ее парнем. В том момент он испытал смешанные чувства: страх за сестру, что ей делают больно, а он

не может защитить ее, и стыд и вину за то, что оказался свидетелем чего-то запретного.

Позже, уже в подростковом возрасте (14–15 лет), он так же невольно стал заложником ситуации. Он отдыхал на диване после тренировки. Родители, которые откуда-то вернулись, видимо, не заметили его и отправились в спальню, где шумно занялись сексом. Со слов клиента, он не знал, как ему поступить, постучать им в дверь и попросить «потихше» или затаиться на диване и ничего не предпринимать.

Основная жалоба и конфликт в отношениях с женщинами: нет такой, как мама, которая бы понимала без слов и приносила наслаждение, заботу, нежность.

Отношения с родителями с самого раннего возраста наполнены страстями эдипальной темы, со всеми перипетиями инцестуозности, сексуального возбуждения, с которым невозможно справиться, и страхом наказания за него. На основании материала возникали гипотезы, в которых во всех красках проявлялись фантазмы клиента, которые заполняли формы универсальных первофантазмов.

Основной фантазм включает в себя меньший по интенсивности и значению аффекта. Это походило на «треугольник в треугольнике». Когда в материале наконец-то появилось самое горячее зерно, заряженное аффектом, а именно «в детстве я спал в постели с матерью, где и испытал первую эрекцию», я дала очевидную интерпретацию: «Вы заняли место отца?» Как примерный невротик, он ее принял. Это было эпицентром конфликта, а это означало, что нам неизбежно предстояло «вальсировать в треугольнике любви и ненависти», в попытках занять свое достойное место, приняв кастрацию, согласившись на роль сына, и не только это. Предстояло признать принцип реальности, где каждый из нас имеет право на удовольствие, не являясь единственным реципиентом этого удовольствия, даже если вы предпринимаете для этого непосильные инвестиции, чтобы завоевать титул «Мистер Совершенство».

В том треугольнике, который меньше, это выглядело как «ожидание белого танца». В его фантазме все женщины должны вожделеть заполучить его – единственного идеального мужчину, обладателя идеального генетического материала. Это прозвучало как «многие женщины хотят от меня родить», заполучить два в одном – «ум и красоту». При этом парадокс ситуации в желании выглядеть круче всех: Эдуард занимается бодибилдингом, не гнушаясь всех тяжких, в том числе приема стероидов, о которых я упомянула в начале. Сам он и признался, что это стало причиной того, что его сперматозоиды нежизнеспособны.

В данном случае мы имеем дело с классикой жанра – первофантазмом «соблазнение», которое длилось намного дольше и интенсивнее допустимого. Мать, положила его в свою постель в целях получения двойной выгоды: (1) желая отомстить мужу; (2) это было сделано в форме послания «мне не нужен твой пенис-изменник, у меня есть свой "золотой фаллос"».

Он был обречен стать «золотым фаллосом», нарциссическим продолжением матери. То есть обречен инвестировать свое либидо по нарциссической линии.

Если я буду самым-самым, то буду желанным, востребованным – мне будут поклоняться и исполнять любое мое желание, так, что мне даже не придется об этом сообщать. На одной из сессий Эдуард с восторгом рассказывает, как взрослая женщина-коллега смазывала его руки кремом, хотя он даже ее об этом не просил.

При этом оборотной стороной стал первофантазм «кастрация», в том варианте Эдипа, в котором он оказался заложником ситуации. То есть у матери не было цензуры любовницы, ибо любовницей отца была другая женщина. Следовательно, ему досталась роль утешителя матери, защитника и любимого объекта. По сути, он становится мужем своей матери, и вполне очевидно, что вынужден пребывать в постоянном страхе угрозы кастрации. Что и проявлялось в отношениях к нему со стороны отца: «Батя всегда был очень жесткий». Но отношение отца неоднозначно, ибо, как единственный сын, он также становится и нарциссическим продолжением отца.

Отец вводит его в мужской лагерь, но достаточно странным, искаженным, первертным способом. Об этом говорит яркий эпизод из эдипова возраста (три-пять лет), когда он сидел на заднем сиденье машины, в которой у отца проходило свидание с любовницей. Припоминая свои ощущения, Эдуард делится: «Я понимал, что происходит что-то нехорошее. Что я предаю маму». Конфликт, непереносимый для детской психики, привел в действие защитный механизм расщепления и проективную идентификацию.

Порой именно эта разъединенная по противоположным сторонам амбивалентность, как в отношении матери, отраженная в конфликте желания «стать единственным мужчиной для нее» и «защититься от страсти, призывая к нежности»; так и в отношении отца, где конфликт сталкивает «любовь и билет в мужской лагерь» и «страх наказания, кастрации», провоцирует регрессивное стремление возвратиться в материнское лоно, где в полной безопасности можно получать все необходимое для удовольствия.

Однако в подростковом возрасте происходит неожиданное дезинвестирование, когда всегда присутствующая мать вдруг «взяла отпуск» и стала бабушкой. Картины, когда он дома один («Один дома»): еда не приготовлена, в доме не убрано, кошка нагадила – становятся преследующим кошмаром. Непереносимость новой реальности, в которой он больше не единственный мужчина для любовных инвестиций матери, заставляет его уйти из дома родителей. Произошла сепарация, но остались обида на мать и желание вернуться в потерянный рай, на фоне страха наказания/кастрации от отца.

В результате всех этих фантазмов, навязчиво повторяющихся на уровне бессознательного и проигрывающихся во внутренней и внешней реальности, в пространстве большего треугольника, там, где властвует Эдип, никак не удастся приблизиться к первосцене таким образом, чтобы, с одной

стороны, не быть невольным наблюдателем «насилия», а с другой – разместить собственное возбуждение вне поля инцестуозности, отказавшись от роли единственного мужчины.

Это звучит в его ожиданиях от отношений между полами, как индивидуально для него должна выглядеть первосцена. Возвращаясь к его описанию: «И в отношениях у меня есть такой собирательный образ, какая должна быть женщина. И сам, когда думаю, на кого бы я хотел быть похожим, то конкретно какого-то кумира нет, а тоже есть некий собирательный образ, у кого-то нравится тело, внешний облик, у кого-то стиль поведения, уверенность». Мы можем вновь убедиться, что «собирательный образ женщины» – это идеальная мать, а собственный образ единственного мужчины пока находится в состоянии разобранных частей/пазлов (тело, ум, стиль), которые трудно соединить из-за невозможности идентификации с неидеальным отцом.

Единственное, что остается на данном этапе навязчивого повторения, из-за которого вновь и вновь разыгрывается сцена нарциссического триумфа, – это соблазнять.

Первофантазм «кастрация». Dolce vita – «плата за сладкую жизнь»

Клиентке 53 года, она замужем за итальянцем. В отношениях с ним чуть более трех лет. Живут в Риме. Муж – доктор. Она – реабилитолог, работает с телом. Сама в отличной физической форме. Выглядит гораздо моложе своего возраста. Красавица, длинные волосы, блондинка, огромные голубые глаза, идеальная фигура.

Моя новая клиентка Елена Прекрасная жалуется на «кашу в голове». До того как выйти замуж за итальянца, она 26 лет была вне отношений с мужчинами. Одна растила дочку и имела свою безотказную стратегию выживания и борьбы. Как она говорит о себе сама, «ничего не страшилась, со всем справлялась, с любыми обстоятельствами».

При обращении в детство, откуда, как мы – психоаналитики – знаем, «ноги растут», выяснилось, что Лена очень любила сладенькое, которое было под запретом. На сладкое не было денег. Хорошо помнит, как копила монетки и потом покупала кулек конфет и съедала их почти сразу. От сладкого страдали зубы. Поскольку родители не заботились о здоровье детей так, как требовалось, то о запланированном походе к зубному не было и речи. Кариес благополучно расположился в теле клиентки и окончательно испортил все зубы.

Именно зубы, а точнее, их испорченность, дискомфорт и даже боль, которая стала непереносимой, были отправной точкой и мотивацией для того, чтобы «осознанно» выйти замуж. Решила выйти замуж за человека, с которым была в отношениях два года, ездила туда-обратно из Украины в Италию. Со слов Елены: «Сначала два года были в отношениях, но предложения не делал. Тогда я уехала обратно на Украину и сказала,

что не смогу ездить туда-сюда, проблематично по документам, визе и неопределенность. Тогда через какое-то время он признался, что не может без меня, согласился жениться и взять на себя расходы "по зубам"».

Когда Елена рассказывала об этом ключевом моменте, о том, как она буквально вынудила мужчину жениться или, скажем мягче, поставила его перед выбором, на невербальном уровне чувствовалось, что для нее это стыдный и неприемлемый стиль, противоречащий ее установке «стратегии выживания» одинокой и независимой женщины. Чтобы сгладить неловкость, она произносит такую фразу: «Сделал выгодное финансовое предложение».

«Выгодное финансовое предложение?» – переспрашиваю я. Ответ: «Нет. Это потом. Сначала он признался, что не может без меня, что я ему нужна».

В рассказе об актуальных переживаниях, которые служат основным поводом разногласий в отношениях с мужем, лейтмотивом звучит тема «непереносимости вынужденной зависимости» и, как следствие, как суть внутреннего конфликта – «платы за сладкую жизнь». Потому что, по внутренним ощущениям, в этом новом мире, чужом мире, она пока не получила признания, ее не ценят так, как она того заслуживает, в том узком семейном кругу, куда она включена.

Страх. «Если я уйду от него и сама буду зарабатывать на свои зубы, то получается, что все, что я смогу заработать за месяц, я буду относить дантисту. Что это за жизнь такая?! Лучше умереть. А может, жить как есть с этими старыми зубами, пока хоть как-то держаться, а потом, как придет момент, умереть с ними либо самой уйти из жизни». Отмечает, что суицидальные мысли были и раньше и связано это именно с зубами. После вопроса аналитика: «То есть можно считать, что зубы являются центральной проблемой, историей, вокруг которой закручены все беспокойства?» – клиентка делает паузу, затем отвечает: «Наверное, да. Да».

На сцене разворачивается основной внутренний конфликт. Выбор: либо непомерная плата – отказ от основной тактики и стратегии выживания и принятие новой роли – стать такой, какой ее воспринимают окружающие. По словам клиентки, «весьма неприятно быть воспринятой другими по тому внешнему облику голубоглазой красотки, которой наверняка все легко доставалось». При этом она получает поддержку и новые зубы и сладкую жизнь. Получается частичная кастрация. Либо она остается верной своей идентификации – сильная женщина, боец и победитель. Но тогда придется справляться со всем самой, и тогда ей не хватит ресурсов, ни физических, ни экономических, и начнутся страдания из-за больных зубов. Страдания настолько сильные, что тогда уж лучше смерть. Полная кастрация.

Фантазм моей клиентки Елены Прекрасной выглядел таким: «Если эта жизнь не по зубам, то, значит, ты – не жилец!»

Первофантазм «возвращение в материнское лоно». «Я рождена из морской пены»

Милота – клиентка пограничной структуры. Одной из линий в проработке внутреннего конфликта объектных отношений стал непереносимый конфликт с матерью, которая воспринимается как вторгающаяся, кастрирующая соперница в борьбе за обладание отцом и/или пенисом отца. В процессе терапии удалось восстановить расщепленный образ матери, когда в противоположность агрессивной и опасной, угрожающей вдруг появилась другая мать: видение из детства, когда мать на речке, в лучах солнца, была необыкновенно красивой. «Лик Мадонны» – так назвала этот эпизод с видением сама клиентка. Но до этого был долгий путь проработки ее жуткого фантазма «смерть во чреве матери».

Невыносимый травматизм этой пациентки продуцирует на сцене психоаналитических сессий сцены фантазмов, от психотического уровня до пограничного/первертного. Самым первым фантазмом, который она принесла, стал рассказанный сон: «Я, как русалка, выхожу из раковины, из пучины волн. Ощущение, что я родилась заново и больше не принадлежу матери как ее продолжение. Я – свободна. Меня должен отловить в этом морском пространстве мой муж. Он должен закинуть сети».

В это время в своей актуальной жизни клиентка переживает агрессивное вторжение ее матери, которая насильно пытается установить ванну в квартире клиентки. На вопрос терапевта: «Про что для вас эта ванна? Почему она вас так пугает и вызывает столько сопротивления?» – она отвечает: «Это ванна, полная крови». Далее, путем ассоциаций, мы приходим к первофантазму «возвращение в материнское лоно», где небезопасно, потому что мать может аборттировать, уничтожить там плод, внутри этого лона.

Именно поэтому в поисках безопасного «материнского лона» фантазматическая жизнь Милоты предлагает различные варианты, одним из которых является красивый, но скорее психотический вариант самопорождения из морской пены.

Первофантазм «канныбалистическая трапеза». Вероника решает не умирать

Вероника – талантливая художница, 50 лет. Когда Вероника обратилась за психотерапевтической помощью, она была на грани. Состояние затяжной депрессии на фоне пандемии, бессонница, невозможность контролировать свое эмоциональное состояние – «постоянно плачу, слезы сами текут», возникали мысли о самоубийстве. Хотела идти к психиатру, был опыт лет 15 назад приема препаратов, но таких сильных, что не хотелось бы повторять.

Из материала клиентки. Мать – жесткая, доминирующая, фаллическая и кастрирующая отца, она ребенок военного времени, рожденная в 1934 году в еврейской семье. Отец матери – крупный партийный работник сталинского периода, как следствие, есть ситуация семейных тайн.

Мать сбежала от родителей в юности на Дальний Восток. Отец – военный инженер, мягкий. Не защищал и не вступался за нее, так как не хотел эмоционально ввязываться в конфликт с женой. Сам отец – травмированный ребенок военного времени. У Вероники также есть сестра, старше на 12 лет.

Яркий травматичный эпизод из детства – «хлебные крошки». Ассоциируется с мотивами сказок «Мальчик с пальчик» и «Крошечка Хаврошечка». Случай из детства. Ей было лет 10–11, когда она с группой «художки» отправилась в поездку в Московский зоопарк. Автобус – электричка – метро. Сопровождающие училки бросили детей одних в зоопарке и назначили время и место сбора для отъезда. Вероника была испугана, дезориентирована, не знала, сколько времени. Когда подошла к месту сбора, то никого не обнаружила и подумала, что перепутала время и все уехали без нее. В кармане обнаружила обратный билет на электричку и пяточок на метро. И самостоятельно вернулась домой! Сориентировалась по метро, нашла нужную платформу на вокзале. После чего вину свалили на нее, сказали, что она сбежала. Никто не встал на ее сторону: ни жесткая мать-педагог, ни отец, который никогда не вставал на ее сторону, чтобы не конфликтовать с женой.

Лейтмотивом на протяжении почти двух лет психотерапии звучит «страх толпы незнакомцев». «Не люблю бюрократические заведения: посольства, ЖЭКи, муниципальные конторы и общественные сборища». Детские неприятные воспоминания об очередях, в которых проводила много времени с родителями. Не умеет просить помощи. И в принципе не умеет просить. Ком в горле.

При описании своих переживаний, то есть аффекта, связанного с необходимостью коммуницировать с группой незнакомых или малознакомых или даже вполне себе знакомых людей, Вероника жалуется на бессознательную тревогу и даже страх быть поглощенной и/или вовлеченной вопреки собственному желанию в общее удовольствие, которое ей неприятно и почти противоречит собственным желаниям.

Необходимо отметить очень важный момент – отсутствие детей. Несмотря на счастливый и долгий брак и полное взаимопонимание с мужем, детей все же нет. Веронике трудно объяснить этот факт, ибо это не было ни осознанным выбором, ни физической невозможностью. Есть один бессознательный страх, в котором смешаны многие составляющие, одной из которых является «собственное исчезновение» или принесение себя в жертву во имя новой жизни.

Сочетание этих двух бессознательных страхов – страха толпы и страха принести себя в жертву во имя новой жизни – отправляет нас в фантазм «сотворения нового мира путем разрыва субъекта на части». То есть содержание этого фантазма укладывается идентичным образом в первофантазм «каннибалистическая трапеза». Отсылки в этот фантазм мы находим в древних мистериях и мифологии. Как отмечает Мирча Элиаде в своей книге «Мифы, сновидения, мистерии», «...миф о сотворении посредством насильственной смерти превосходит мифологию Матери-Земли».

На одной из сессий Вероника эмоционально делится своим отвращением к корпоративам, на которых творится «Содом и Гоморра». По ее словам, «на этих корпоративах все теряют адекватность и совершают вещи, из-за которых потом дней пять никто ни с кем не разговаривает и подозрительно ожидает, нет ли компромата». У меня возникают картины «оргии», но я не успеваю дать эту интерпретацию, как Вероника продолжает: «Наверное, и сейчас есть племена тумба-юмба, которые устраивают ритуальные действия сексуального характера. Так живет этот почти первобытный социум, семейное племя, где все перемешалось».

– Инцестуозно, – интерпретирую я, и Вероника соглашается.

Картины древних мистерий с жертвоприношениями витают в пространстве нашей химеры. В контрпереносе я испытываю тот страх, что переживает клиентка. Это очень хорошо выражается в фантазме, о котором говорит М. Элиаде: «Его фундаментальная мысль заключается в том, что Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву жизни. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Живое "целое" разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм. Другими словами, здесь мы снова встречаем хорошо известную космогоническую структуру изначальной "целостности", разбитой на фрагменты актом Сотворения».

Каннибалистическая трапеза во всем своем размахе!

Первофантазм «первосцена». «Анжелика – маркиза демонов»

Первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно, каннибалистическая трапеза – все пять основных первофантазмов присутствовали в процессе психоаналитического лечения Анжелики.

Клиентка, с рождения лишенная отца – с ее слов, «мать нагуляла», фантазирует, кем бы он мог быть. Говорит: «То ли руководитель хора, то ли директор лесоповала». Однако, устав мечтать об идеальном отце, Анжелика желает остаться с матерью вдвоем: «Моей любви хватит на нас двоих». Мужчины появлялись в жизни матери, но «все мамины мужчины были плохими людьми». Так и росла Анжелика в злости на мужчин. Агрессия проецировалась на них, и, как следствие, существовала непроходящая тревога атаки, отчего «спина накачана, как броня».

«Мне муж так и сказал: "Ты сама – конь с яйцами"». И продолжает: «Если мужчина тебя хочет, это шикарно, и ты должна быть счастлива. Но вот только этого коня обуздать надо, а это не так просто. Характер у меня генеральский». Получаем такую картину первофантазма «соблазнение»: «Обуздать». Бессознательное стремление идентифицироваться с матерью – «яркой, своенравной, пошедшей наперекор семье» – помещает Анжелику в первосцену, где женщина – амазонка, некий женский вариант кентавра, слившаяся с телом лошади, которую надо суметь обуздать.

Однако в одной из сессий Анжелика делится своими приятными переживаниями, когда на романтическом свидании с новым любимым

мужчиной она в его надежных руках почувствовала себя маленькой девочкой. «А от нового мужчины качели в мозгах. Он меня купил тем, что "укачал на руках" прямо на людях, взял на руки и стал укачивать. И когда играет с губами как с маленьким ребенком. Он укачивал меня на руках, на фоне покачивающейся гондолы, у причала Большого канала Венеции». В моем воображении возникает картина «Околоплодные воды, в которых безмятежно покачивается Анжелика». Первофантазм возвращения в материнское лоно бессознательно стремится репарировать травму – угрозу быть нерожденной.

Первофантазм кастрации. Одновременно с этим, в процессе терапии, мы обнаруживаем ностальгию по вытесненному образу отца. Обида и даже гнев на пустое место на месте мужского. На пустое невозможно опереться, и присвоить его невозможно. Фантазии о папе. Очень не хватало и хотелось отца, побыть любимой дочкой, но все мамы мужчины были плохими людьми. Очень я люблю своих младших братьев. Старший Дима – идеал отца, как он со своими детьми разговаривает. Я ему даже сказала: «Хотела бы я, чтобы ты был моим отцом».

«Мать часто кричала, обвиняя меня, и повторяла, как она хотела избавиться от меня, а я так цеплялась за жизнь. "Я эту сучку хотела скинуть. А она цеплялась". Все время звала меня "пиздюля, пиздося". А имя, как парадокс, дали мне Анжелика. Первый у меня был аборт. Потому что в то время моя мать была беременна последним братом. Ну я и подумала, что это позор. Две пузатые на ножках. Два таракана пузатых. Я тараканов терпеть не могла. Давила их». О чем этот страх позора? В фантазматической деятельности, как в калейдоскопе, крутятся различные картины первосцены. Определенными и наличествующими там всегда присутствуют только два объекта / две фигуры: мать и она; но отсутствие «достойных мужчин», способных оплодотворить, заставляет воображение продуцировать картинку различного уровня. Психотический вариант заполняет пустое пространство кучей неприятных тварей – тараканов, которые выживают и плодятся в любых условиях, на зависть остальному животному миру. Какие еще демоны появятся в пространстве первосцены, будет зависеть от тех символизаций и связываний, что нам предстоит сделать в психоаналитическом процессе.

Отсутствие отца как закона и опоры, а также защиты против угрозы «абортирования» или полной кастрации со стороны матери вынуждают Анжелику оставаться подвешенной на ветвях своего родового дерева, со слов самой клиентки, сильного именно по женской линии.

Подводя итоги всему рассмотренному клиническому материалу, хочу отметить, что поскольку первофантазм «первосцена» является главным и объединяющим все остальные первофантазмы под своим приматом, отправляя на уровне бессознательного в эдипальный конфликт или ядро психики на генитальном уровне, то очень важно отметить, что влияние бессознательного представления о первичной сцене на объектные отношения индивида предполагает уровень функционирования и структуру психики.

Заключение

Еще раз сделаем акцент на важности понимания и применения феномена первофантазмов и фантазмов в психоаналитическом процессе и на том, как напрямую связаны символические превращения в содержании индивидуального фантазма, устранения искажения и перевод его в более здоровую форму с той трансформацией, что происходит с анализантом на его пути к зрелости и более высокому психическому функционированию.

Универсальным будет тот путь, который проходит каждый на протяжении всей нашей жизни. Как Одиссей на пути возвращения к своей Итаке, мы неизбежно будем сталкиваться с соблазнением, опасаться и оберегаться кастрации, порой страстно желая возвратиться в материнское лоно и разделить доставшуюся «добычу» в каннибалистической трапезе с единомышленниками, в надежде обрести качества героя, чтобы в конечном итоге прийти к своему законному месту в первосцене и занять предписанный разницей полов и поколений, эдипальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У. Р.* Теория мышления // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13–14 декабря 2008 года / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновой. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. 420 с.
2. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма / Пер. Н. И. Чельшевой. Под ред. А. В. Россохина. URL: <https://drive.google.com/file/d/1flha1rIs2ILNirtEiOaZaAlAo45N1a20/view>. (Оригинальный источник: Laplanche J., Pontalis J.-B. *Fantasme originaire, fantasm des origins, origin du fantasm.* Paris, Hachette, 1985).
3. *Лакан Ж.* Диалектика желания и требования в клинической картине и лечении невротиков // Ж. Лакан. Семинары. Кн. 5. Образование бессознательного. М.: Гнозис/Логос, 2002.
4. *Леви Ж. М.* Тени и свет бисексуальности // Материалы 79-го конгресса «Психическая бисексуальность, сексуальность и гендеры» от 30 мая по 2 июня 2019 года / Пер. М. В. Каджеджи. Под ред. Заева Л. В.
5. *Калина Н. Ф.* Фантазм в психоаналитической психотерапии // Журнал Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского». 2015. Т. 19. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantazm-v-psihoanaliticheskoj-psihoterapii>
6. *Коротецкая А. И.* Кастрация. От фантазма к комплексу // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма]
7. *Майн Н. В.* Первофантазмы психической вселенной // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма]
8. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.: Академический проект, 2019.

9. Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2022.
10. *Janine Chasseguet-Smirgel* Ethique et esthétique de la perversion. Paris: Champ Vallon Editions. 2006.

Primal phantasies and phantasms. Their role and significance in the psychoanalytic process

L. N. Kalinina

Kalinina Lada N., psychoanalytically oriented psychotherapist, a teacher at the N. V. Main School of Practical Psychoanalysis, an associate member of the Moscow Psychoanalytic Association.

Using the example of clinical cases, the author offers a description of the phenomena of first phantasms and phantasms in the psychoanalytic process, as it is reflected in the dynamics of work, correlates with the structure and level of mental functioning, as well as the pathology of the psychoanalytic process. Special attention in psychoanalytic work is paid to those unconscious processes that can be used by an analyst for effectiveness and analysability from the point of view of the universality of the first phantasms and the uniqueness and variability of phantasms as matrix contents. The discovery of personal phantasm and its symbolization allow, with the help of insights and elaboration, to increase the level of mental functioning and lead to the transformation of the analysant.

Keywords: primal phantasy, phantasm, mental structure, mental functioning, phantasmatic life, pathology of the psychoanalytic process, Primal scene, Seduction, Castration, Return to the mother's womb, Cannibalistic meal.